

ИНОАФИША

Жизнь и сцена — 1994 — 24 нояб — 1 дек — с 12-13

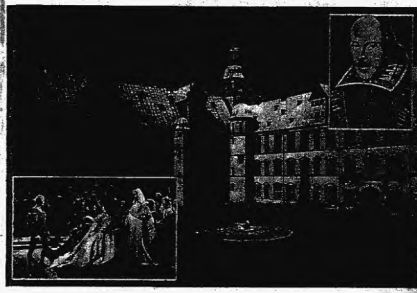
СВОИМИ ГЛАЗАМИ

Россию датчане знают так же плохо, как мы — Данию. Что знаем мы, кроме того, что «Дания — тюрьма», что воспеи великий скульптор Андерсен, что смеялся над датскими правами великий комедиограф Хольберг и что памятник Русалочке украшает гавань? Немного, особенно если учесть, что лету от Петербурга до Копенгагена всего-то полтора часа, а дипломатические и корпоративные наладчики еще Петром I. И, конечно, разбросаны с мифами, географическими и историческими. Многие только ходились своими ногами по датской почве. Памятник Русалочке, действительно, стоит. И к нему ежедневно совершаются полчища туристов со всего света. Шофер нашего автобуса сразу же выдал опасения, что Русалочка может не прожить на нас должного впечатления: «Она такая маленькая». Но после мы его утешили: «Поправилась — поправилась». Надо увидеть это крохотное, короткое существо, чтобы понять чуждую-чуждую сказку Андерсена: сидит она на валуны, стоек прямо в воде, плечи и плывающие стилизованные удары волн в каскалы рук. Вот уж поистине памятник женскому терпению! За

посетить Данию, он доверился древней легенде о правце Амлетте. Однако мир живет. Несмотря на то, что замок называется Дворец, а городом после него — Хельсингор. Теперь уже все забыли об исторической неувязке и осматривают замок с тем же рвением, с какими в Вероне мнут «балет Джульетты».

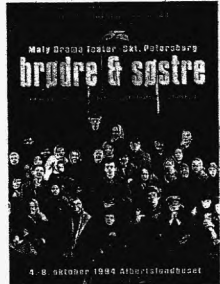
Артисты Малого драматического тоже мгновенно включились в игру. Слово та бродячая труппа, что наехала Гамлета, они сразу же принялись развлекать роль и репетировать: молоту Клавдия в королевской церкви, сцену с Офелией у колодца, с Призраком в подземелье и на крепостной валу. Видно, теперь придется Додну ставить «Гамлета»: пьеса «разматывается», текст, можно сказать, все знают наизусть, причем в труппе предостаточно. А поскольку русских артистов в Дании побольше, то они бы могли возродить традицию, превращающую совсем недавно, из-за того, что театр стал слишком дорогим удовольствием для государственной казны: начиная с XIX века в Копенгагене лучшие труппы мира играли «Гамлета». Здесь видел я Лоренса Оливье, а Ричарда Бартона.

Итак, если бы не Шекспир с

стой (только не у нас) датской истерикой XXI века, автора «Семи тотемских историй» и воспоминаний об Африке, которые легли в основу известного фильма «Из Африки» с Марил Стрип и Робертом Редфордом. По дороге в Хельсингор есть лагуна «Лунаган», превращая лагуна мечетом Кнудом В. Йенсен в Музей современного искусства; «Уникальный» Но своей живописности (берег моря, лес, парк), но коллекция датской живописи и по уровню выстав-

лись в Христиании, датский, судя своим. Что немаловажно для нормальных, добродушных, благопреступной публики. Во время одного из спектаклей Михаил Самочин в театральные, телорейке и кепке да еще с «красоткой» черной повязкой на глазу вышел подышать свежим воздухом в парк возле театра. Проходящая мимо датчанка чуть в обморок от страха не упала, наткнувшись на него. Привыкнув, трепет здесь не выглядела бы чем-то изуродным. Пе-

ство», а свои же близкие, величавые братьями и сестрами. «Суна народ», — к этому странному выводу приходит в финале добрейшей, честнейшей Михаила Преслиа. А у датчан от этого прозрения слезы накатывают на глаза.

Вот уже почти десять лет путешествуют по свету дюжины со своими «Братями и сестрами». И порой кажется, что спектакль этот уже из прошлого, из истории Малого драматического. Но стоит только посмотреть «Дом», «Братья и сестры», «Гуде-мус», «Ваннейный сад», «Весь».

МЫ ПРОВЕРЯЛИ: ДАНИЯ — НЕ ТЮРЬМА, НО ОБРАЗЦОВАЯ

время сидения на камушке у нее пару раз крали голову, отчего Дания приходила в волнение, так что не только прекрасным голосом пела Русалочка за любовь.

Памятников в Дании очень много. Среди бронзовых и каменных монументов можно обнаружить знакомые — опять же Андерсена, повернувшего голову в сторону сада Тиволи, Хольберга, охраняющего, дождь в Национальный театр, туркизматического Карьергора, скромно стоящего позади Мраморного собора, что завершает ансамбль Амаленгасада. Карьергор, кстати, оказался замечательным экскурсоводом по Копенгагену: в его кинках топография города стала точкой, что можно следовать его маршрутам, не заглядывая в карту. Тем более, что все названия улиц — христианские, а часы на Ратуше быют столь же актуальны, как и во времена Карьергора.

А вот Шекспир не годится в экскурсоводы. Во-первых мы с артистами Малого драматического театра довольно быстро убедились, что Дания — не тюрьма, свободы было хоть отбавляй, даже два выходных дня между первым и вторым представлениями «Братья и сестры» — а во-вторых, великий драматург в очередной раз разрылся нас с Эльсингором. Не удивились

его склонностью к мистификациям, никто бы не знал про Хельсингор ничего, кроме того, что это «красивый клочок и залуку Эриксон», как прозвала его за название дагы с пропавшими мифом кудом. Сегодня Хельсингор — клочок, но не красивый, нарядные пять минут подходить к его берегу паромы и в считанные минуты раздвигая и загнуживаясь людьми, машинами, автобусами, выгодами. Мы были в этой гавани почти сразу после гибели паром «Эстония», все газеты писали об этой трагедии, но инверсия в датских паромов никто не опасался, в погону, что паромом на них образивны и оттого, что от берега до берега рукой подать.

Хельсингор известен еще и из-за умения датчан сделать музей из янчею. Музея в Дании столько, что всяких туристов не хватит их обойти, осмолить и описать. Есть большие, знаменитые, вроде Национальной галерея или Музея Торвальдсена, Глиптотеки или Датского технического музея. Есть совсем маленькие, но посещаемые, вроде музея зрелищ или музея курительных трубок. Есть просто потешная крушение — ветская подводная лодка, превращенная в музей. Есть много членистые дома-музеи писателей, вроде литературного музея Харин Байксен — самой изве-

сто мирового искусства. Ежегодно здесь проводят семейные, большие выставки из крупнейших собраний Европы и Америки. Основу тут составляла шедевры из музея «Фонкванг» Эссена «Об, Вал Пола до Герхарда Рихтера». В последние экспозиции в обзорную маленькую, но впечатляющую коллекцию супрематизмов (Иван Казимир, Малевич, Дюнов, Степанов, Альтман). С декабря по февраль здесь будет гостить Тунис-Лорек из Парижа, а в январе по март 95-го — Дэвис Балдт.

Музеям для туристов можно сместь и Христианию — район Копенгагена, где живут люди, не желающие подчиняться образцовому порядку, парашему в Датском королевстве. Район, где в 60-е годы обосновались хиппи, по сей день служит пристанищем для альтернативного общества. Это уже не хиппи, скорее «бомжи» в нашем понимании. В свою вторую жизнь они никого не допускают, но внешнюю сделали чем-то вроде витрины экзотических нарядов с устойчивым запахом наркотиков, ироничные дома, лавки, в которых подозрительного вида личности торгуют не только украшениями, сувенирами, приспособлениями для курения, но и наркотиками по дешевке.

Вечером туристам бывает в Христиании не рекомендуется, но мы были — над всем витал привычный русскому сердцу криминальный дух, и в то же время никто пришельцами не интересовался, все были заняты своими делами или своим отдыхом, рисовала, слушали музыку, купили, играли на бильярде. Поразило множество собак, мирных по отношению друг к другу и к людям, они бродили по улицам, валялись на полу в кафе и названо, ленивые, толстые. Видно, им неплохо живется в вольной Христиании. Людям же нехорошо, и все же они промолчат, хотя волю жизни, где все, а тебя продумано, расписано и предосторожно.

«Гамлета», например, интересно было бы увидеть в этих декорациях. Тем более, что в копеежки, и спектакли здесь продаются. В Копенгагене можно на палку и в еще более неожиданном месте, например, «Театр в лодке» — в Новой гавани, прямо на воде. Впрочем, «Братья и сестры» тоже лучше бы смогле-

кашники были бы своими сло-плоско артисту кричать «звугу» и возвращаться бегом в театр. Сосчитала шла не как в прошлый раз, когда в зале было королев, не в Национальном театре, а за городом, в комплексе «Альберт», где обосновался Непосредственный международный театр, своего рода фестивальный центр. Его менеджеры реализуют самые интересные театральные постановки в Европе, Азии и Америке, пригласили труппы на гастроли. Этот зал хорошо известен театральным, и, несмотря на довольно высокие цены (от 160 до 2500 крон), зал был полон. Конечно, было много студентов, изучающих русский язык, но пришло немало и пожилых людей. Выведала прекрасную, абсолютно шикарную поперуку публики реактивала моментально, без обычных для интеллигентной датчанки пауз.

Конечно, для датчан жизнь такой северной деревни, что столь же далекое, как Древняя Индия или Китай. Но потребовалось совсем немного времени, чтобы уничтожить барьеры между близкородственными датчанами и голландцами, обранными, умиленными некапскими. Так же, как в русской публике, смотревшей «Братья и сестры» в Петербурге или в Подпорожском районе Ленинградской области, зрители замирали, следя за тем, как делит Михаила Преслиа буждущую черную хвосту или как Джанка кружится в вальсе, представляя себя героиней фильма «Саяннарка и пастух». С восторгом обжиривались из дажных чашек, но не не мешки, какие есть в будущем в жизни каждого, будь та датчанка или шриланка: любовь, ревность, преданность. Только у терпел русского спектакля проблемы, обещающие услужливые советским, почти лагерным порядком, который не считается ни с чем: ни с черной любовью, ни со старинской немощью, ни с болезнями. «Липа, только смерть, она...»

Мнею в Дании можно было ощутить, насколько жесток советский строй по отношению к отдельному человеку. Этого отдельного человека просто не существовало, он был частью, частью в малом противостоянии себя «миру». Его сметают с пути, заставляют умирать. И делает его не отдельным, калякого сила, возмущая «пачка-

«Князюстрофию», как окажется, что все это — единый художественный поток, мысли из одного круга. Додну говорят: «звучит, звучит, давай», а он продолжает кататься в российской жизни, в культуре, этой жизнью сформированной и эту жизнь, творческой. Додну Чехов тоже, намерено, говорил «довольно давай», но он, слава Богу, не послушался. Может быть, правды, что не ходит и докторам, кто не скорбит в зеркало. Помните спор Галя и Пети? «Все равно умрешь», — говорит Галя. «Кто знает?» — отвечает Пети. — И что значат — умрешь? Так и в споре театра с его оппонентами. Врде бы в те, и другие правы. Но почему-то никто не осуждает Додну за «Братья и сестры», в которых есть жестокость отношения к «народу-богослову» ничуть не меньше, чем в «Князюстрофии». Еще более очевидна близость датских студенческих «Братья Карамановича» с последней премьерой.

Ничего неожиданного, с неба свалившегося, в МДТ-94 нет, все проследить из Достоевского. Чехова. И, наконец, со стороны — из лагеря Парижа, Копенгагена или Магистерства — виднее, чем изнутри. Затем в нужны расклады. А еще затем, чтобы счастливцы актеры вылетали да клулись, как на крыльях, словно не многоголосый спектакль играют, а одну «вошерну» слышат, вылетают с аккомпани-ми: «Ну, и вжарили мы им!»

Елена АЛЕКСАНДРОВА.

- Кривошеина — музей современного искусства.
- Афиша спектакля «Братья и сестры».